

О С Е Н Н И Е З О Р И

человек, видимо, и впрямь убежденный в том, что ничего не изменилось. С. Маркушев прав, выразительно от-
твечая, что самое страш-
ное, на что натолкнул Горика Каш-
канов, это убеждение, будто бы
«все мы ошиблись... В жизни-то
ничего не изменилось...». Кашканов
действительно не видит того нового,
что вошло в жизнь сегодняшней дере-
вни, что определено исторически-
ми решениями Коммунистической
партии, и потому он и действует с
такой напористостью. Однако эта
важная сторона характеристики
Кашканова не уловлена в спектак-
ле. Тем самым оказалась ослаблен-
ной, утратила долю своей значи-
тельности острота столкновения
Кашканова с Столбовым.

Хороша сцена в доме Столбова — его душевный и волнующий раз-
говор со старыми колхозниками
Федотом Савельчем (К. Светлов),
Матвеем Лукичем (В. Головин) и
дедом Фомой. В ней речь идет о
главном.

В СВОЕЙ недавно появившейся
в печати беседе, ставшей пред-
метом оживленной полемики, по-
становщик «Осенних зорь» Б. Ра-
венских верно говорил о том, что
надо поэтически, светло видеть
жизнь, отображать ее в наиболее
существенных проявлениях. Режи-
сер справедливо считал, что именно
в этом — истоки поэзии театра на-
ших дней. Хорошо, что в спектакле
«Осенние зори» Б. Равенских пока-
зал жизнь советской деревни досто-
верно, искренне, в светлых, жизне-
утверждающих тонах. Это отрад-
но.

Однако в новой постановке есть
и просчеты, и некоторые отступле-
ния от верных положений, выдвиг-
нутых самим режиссером: существ-
енное не всегда оказывается на
первом плане.

Во многом это предопределено
самой пьесой, не давшей театру до-
статочно надежной и прочной опоры
на пути исканий правдивого и
поэтического образа современника.
Б. РОСТОЦКИЙ.

зя более отвечающим замыслу ав-
тора зачином всего спектакля.

ПЬЕСА названа В. Блиновым
драматической повестью, но
вряд ли такое определение удачно.
Она менее всего повествовательна.
В ней показано не мерное течение
дней, а острый переломный момент,
круто меняющий судьбы людей,
сразу раскрывающий их действи-
тельную ценность, их настоящее
лицо. Это, конечно, хорошо — так
и должно быть в пьесе. Но это и
накладывает свои обязательства, и,
к сожалению, они соблюдены дале-
ко не полностью. С чем же связано
чувство неудовлетворенности, чем
оно вызвано? Как разбивается
действие, вокруг чего сталкиваются
интересы действующих лиц, каким
путем разрешаются возникшие кол-
лизии?

В пьесе два драматических узла,
переплетающихся между собой. Ра-
ботник райкома партии Кашканов
требует от председателя колхоза
Горика вывезти хлеб, оставшийся в
колхозе уже после того, как все
обязательства выполнены, чтобы
покрыть невыполнение государ-
ственного плана другими, отстаю-
щими колхозами. Вот первый узел
возникающей коллизии. Жена сек-
ретаря партийной организации кол-
хоза Столбова Наталья, работаю-
щая кладовщиком, хранителем то-
го самого хлеба, который требует
вывезти Кашканов, любит кузнеца
Алексея и хочет уехать с ним, оставив
родное село. Вот второй
узел. Чтобы выполнить распоряже-
ние Кашканова, запуганный им Го-
рик нуждается в содействии На-
тальи — у нее ключи от закровов,
и она должна сохранить до времени
в секрете от мужа это незаконное
распоряжение. Но чтобы уехать с
Алексеем, Наталья нуждается в
Горике — он должен выдать справ-

ки, необходимые для отъезда. Так
намечается третий узел, стягиваю-
щий в одно два первых.

Что ж, во всем этом есть жиз-
ненная правда и есть возможность
для последовательного драматиче-
ски напряженного развития собы-
тий, для раскрытия характеров. Но
возможность эта и в самой пьесе,
и в спектакле осуществляется не
до конца.

...Связав чисто сюжетно два
различных плана развития дейст-
вия, автор в итоге все же не на-
шел верного соотношения между
ними, не обрел того внутреннего
единства, которое сделали бы их
действительно неотъемлемыми один
от другого, в равной мере необхо-
димыми. Намеченная, было, в пер-
вой части спектакля тема борьбы
за новые нормы и порядки колхоз-
ной жизни, постепенно оттесняется
историей достаточно запутанных
взаимоотношений Натальи — Алек-
сея — Столбова (они осложняются
еще и тем, что в них страдающей
стороной выступает и покинутая
Алексеем невеста Лена). И хотя
автор пытается связать между со-
бой, условно говоря, «обществен-
ную» и «личную» темы пьесы, связь
эта в конечном счете оказывается
внешней.

И В СЦЕНИЧЕСКОМ истолко-
вании пьесы режиссер подчер-
кивает «любвную» тему. С ней
прежде всего связаны те музыкаль-
но-песенные «наплывы», которые
время от времени перемежают, а
порой и задерживают действие.
Таков, например, эпизод в доме
Столбова, когда Наталья приказыв-
ает пришедшему к ней Алексею
играть на гармонии и сама пускает-
ся в пляс. В. Коршунов и Э. Бы-
стрицкая искренни в своих чувствах,
но, конечно, не в их силах уйти от
знакомых упрощений, подсказан-

ных самой пьесой; не потому ли
история их любви остается лишь
частным случаем, сцеплением об-
стоятельств, заставляющих нас при-
знать «да, так бывает», но не под-
водящих к серьезным обобщениям.

Есть просчеты (особенно во вто-
рой части пьесы) и в развитии ос-
новной темы, связанной со столк-
новением Кашканова со Столбовым
и всем коллективом колхоза. Тая в
себе перспективы подлинно драма-
тического столкновения, завязка
переходит в развязку, по сути дела,
не пройдя через те стадии борьбы,
которые только и могут сделать
пьесу вполне убедительной. Кашка-
нов, конечно, побит, и зритель не
сомневается в том, что он обречен
на поражение. Это зритель знает
уже и в первой сцене, в которой
Кашканов пытается оказать давле-
ние на Горика. Здесь важен — в
художественном смысле — не ре-
зультат сам по себе, а именно пе-
рипетии, самый ход борьбы.

Человечески привлекателен Егор
Столбов (Е. Матвеев), но мы все
же видим в нем прежде всего уди-
вительную стойкость, с которой
он переносит неожиданно обру-
шившееся на него личное горе
(уход Натальи), а не те качества
настоящего организатора, вожака,
которыми он, конечно, обладает.
Д. Павлов рисует Кашканова мет-
кими и беспощадными штрихами.
Но это фигура знакомая — бю-
рократ, заботящийся паче всего о
собственном благополучии и спо-
койствии, действующий средствами
грубого и прямолинейного адми-
нистративного нажима. В таком по-
своему вполне оправданном толко-
вании упускается, однако, существ-
енная возможность, заключенная
в материале роли. Кашканов в пьесе —
это не просто бюрократ и
себялюбец. Нет, он прежде всего

К ЧИСЛУ все более многочис-
ленных спектаклей наших те-
атров, посвященных современно-
сти, прибавился еще один —
«Осенние зори» В. Блинова в Ма-
лом театре, поставленный Б. Ра-
венских. Все способствует тому,
чтобы он не остался незамечен-
ным: и острота затронутой темы,
и то, что это первая пьеса мо-
лодого автора, сразу же пока-
занная на столь прославленной
сцене.

ПОНЯТНО, что Малый театр
увлекла в пьесе В. Блинова
возможность рассказать о людях
сегодняшней колхозной деревни, о
волнующем подъеме, вызванном
историческими решениями партии
последних лет, о том вдохновляю-
щем, что несет с собой наша бур-
но развивающаяся жизнь, о лю-
дях, участвующих в этом буйном
росте нови...

Привлекает в «Осенних зорях»
уверенность в окончательном кру-
шении людей, цепляющихся за ста-
рое, и радость торжества тех, на
стороне кого правда, подкреплен-
ная всей непоколебимой силой ре-
шений партии.

В пьесе звучит один мотив, кото-
рый особенно явственно передает
согревающее ее личное чувство,
лирически окрашивающее пьесу,
невольно захватывающее и зрителя.
Это настоящая, большая любовь
к земле, к крестьянскому делу, к
благородному труду земледельца.
Мотив этот намечен уже в первой
реплике, открывающей действие.
Она принадлежит деду Фоме —
старому крестьянину, немало пови-
давшему на своем веку. П. Констан-
тинов, с присущей ему органично-
стью воплотивший этот образ, го-
ворит с удивительной теплотой, с
глубокой в своей простоте уважи-
тельной значительностью: «Корми-
лица... Грптали тебя... надругались...
и лиходеи, и всякие... А как чело-
век-от позаботится о тебе, — сно-
ва хорошеешь. Вишь, какие песни
поют... Потому окрылился человек
от... В тебе корень всего...». В
этих немногих словах заключено
большое содержание. В них отра-
жен, по существу, основной смысл
событий, развертывающихся пе-
ред нами.

Художнику Б. Волкову в первой
сцене удалось всего лучше передать
ощущение простора той самой пре-
красной раскинувшейся вширь и
вдаль земли, о которой говорит дед
Фома. И использованные здесь сред-
ства живописной иллюзии традици-
онны, но применены они блестя-
ще — от них взято, кажется, все,
что они вообще могут дать. Сце-
на воспринимается как ожившая
картина, в которой убедительны в
равной мере и влекущая взор даль,
и резкие, темные складки борозд на
переднем плане. Возникающий об-
раз поэтичен, и он служит как нель-

События 1960, 16 августа